

Евгений Маляр

Дом на Екатерининской площади

Детективная повесть начала XX века

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Маляр

**Дом на Екатерининской
площади. Детективная
повесть начала XX века**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Маляр Е. А.

Дом на Екатерининской площади. Детективная повесть начала XX века / Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Действие пятой детективной повести о приключениях сыщика Ордынцева происходит в Одессе во время второго прихода Советской власти. В красивом здании на Екатерининской площади разместилось управление Чрезвычайной комиссии. Чекистам нужна помощь опытных следователей, и уже обреченных друзей, Николая и Василия, отпускают из расстрельного подвала не без содействия Анастасии Нарыжной. Условие одно – найти убийцу видного большевика, у которого врагов, как выясняется, хватало. Содержит нецензурную брань.

© Маляр Е. А., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

В оформлении обложки использована фотография Екатерининской площади в Одессе «Возле памятника Екатерине II. 1918» с сайта <http://viknaodessa.od.ua/old-photo/?ekaterininskaya-ploschad-17-41> (ИА «Вікна-Одеса»)

Список действующих лиц

Ордынцев Николай Арефьевич – бывший надворный советник, бывший следователь по досудебному разбирательству, мужчина лет сорока;

Роза Ордынцева, в девичестве Штрамбуль – жена Ордынцева;

Иван Ордынцев – сын Николая Арефьевича, ему шестнадцать лет;

Анастасия, она же Настя Триандафилова, она же товарищ Нарыжная, большевичка, заместитель председателя ОдГуб ЧК, делегат VIII съезда РКП (б);

Михаил Ионович Вихман – другой заместитель председателя ОдГуб ЧК, по общим вопросам;

Зисин Олег Александрович – помощник Вихмана, очень приятный молодой человек;

Нутелис Соломон Шмулевич – третий заместитель председателя ОдГуб ЧК, он занимался контролем за исполнением приговоров ревтрибунала.

Остап Дробенко – оперуполномоченный угро ОдГубЧК, человек не шибко грамотный, но смекалистый;

Саджая, он же Калэ, он же Калениченко, Калистрат Григорьевич – председатель ОдГубЧК;

Мадам Линеvская – все жильцы двора № 7 по Малой Арнаутской звали ее Фирой;

Старик Федченко – жилец вышеуказанного дома, плохо слышит. Видит тоже не очень...

Моня – неведомый приятель вышеуказанного старика, на которого Федченко почему-то возлагает большие надежды;

Семен Кузяков – еще один жилец дома № 7 по Малой Арнаутской;

Егоров – капитан-лейтенант Российского Императорского флота, человек отчаянный;

Голубь, он же Тошнота Сидор Петрович, 1896 года рождения – молодой человек с двумя отсидками за плечами, очень хочет выглядеть блатным. Получается это у него с переменным успехом;

Дора Любарская, она же Дора Евлинская (Явлинская), она же Вера Гребенщикова, он же Матросиха – сотрудница ЧК, специализирующаяся на расстрелах офицеров. В некоторых источниках проходит как бывшая актриса. Её называли «главным палачом одесской чрезвычайки», ею пугали детей, она якобы казнила от 400 до 700 человек и собственноручно пытала свои жертвы. В газете «Одесский листок» от 24 сентября 1919 года была опубликована информация об её аресте, а в январе 1920 года она была казнена. При этом опять же некоторые источники отрицают факт ее существования;

Афинец, он же Афиноген Попаратис – одесский вор. Человек серьезный;

Крюк и Соловей – мелкие представители одесского уголовного мира, говоря иначе, «саявки»;

Петр Дрыгаило – водитель чекистского Форда, прозванного в народе «черным вороном». Жаден и хитроват. Хочет сделать карьеру;

Джонсон – чернокожий американец, сторонник всеобщего равноправия;

Сергей Потапов, он же Чухонец, – убийца. Последнее время применял свои врожденные и приобретенные таланты на службе у революционной власти;

Прочие: обыватели, красногвардейцы, деникинцы, бандиты, чекисты и все остальные люди, населявшие город во время второго прихода Советской власти в Одессу.

I

20 июня 1919 года. Одесса, Екатерининская площадь

На голову Екатерины Великой зачем-то надели красный чепец, а саму ее укутали рогожей. Сейчас уже ничего, тихо. Только ограждения из колючей проволоки образующие узкий извилистый коридор, огибающий статую и поворачивающий обратно – почти до самого входа в дом Жданова, напоминают о вчерашнем ужасе.

Вся пространство Екатерининской площади вчера было заполнено людьми в серых шинелях и кожанках. Удивляло огромное количество китайцев. Латышей тоже хватало. Шум и толчея, грохот автомобильных моторов, работающих без глушителя. Откуда-то появился плешивый низкорослый толстяк в кожаной куртке, поднялся на нечто вроде кафедры, полистал какой-то гроссбух и стал, водя по нему пальцем, выкрикивать фамилии согнанных со всего города и взятых по домам юристов и полицейских чиновников. Их собирали по два, три или четыре человека и заводили в дом № 6.

«Губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности» – гласила гигантская, на весь фасад, вывеска.

Ордынцев оглядел пустынную площадь. Вдалеке, у дома Жданова дежурили патрули – солдаты в серых гимнастерках с красными повязками на рукавах. Внутри оставались его товарищи – Буров, Баум, Стоев, Лурье. Были там и другие знакомые – и полицейские, и юристы. И чекисты.

Николаю и сейчас не верилось, что он здесь, на улице, можно сказать, что на свободе. На свободе... В числе немногих он вышел из здания ЧК.

Суд над ним продолжался несколько минут, сколько же, сколько и над другими. У чекистской тройки были свои правила: приговор должен был выноситься единогласно, так почти всегда и было. Но если хотя бы один из судей был против казни, то узника отпускали. Приговор был один: смерть. Или иди, гуляй пока...

Ордынцев знал, почему его отпустили, но пока не ведал, зачем. Против его умерщвления проголосовал всего один из членов тройки. Вернее, одна.

Надо было идти домой, на Успенскую. Или бежать. Только некуда. И еще, пока он здесь, есть шанс спасти кого-то из друзей.

И Ордынцев побрел. Сейчас – раннее утро, шесть. Скрываться нет смысла, найдут все равно, и тогда пощады уже не будет. Ему было сказано – явится сюда, в дом Жданова к полудню, в кабинет № 22. Сказать на вахте, что к товарищу Вихману. Там все объяснят.

Где-то вдалеке постреливали, обычное дело. В квартирке на Успенской было пусто. Роза и Иван далеко. Есть надежда, что они в безопасности. Одетым Николай повалился на складную железную немецкую кровать и забылся на четыре часа тяжелым сном.

II

20 июня 1919 года. В одесской чрезвычайной комиссии

– Здравствуй, я к Вихману – Ордынцев протянул повестку красноармейцу-часовому. Тот молча взял бумажку с треугольной печатью, осмотрел ее с двух сторон, отдал обратно и показал большим пальцем в сторону вестибюля – «Иди туда, на третий!»

Здание было хоть и трехэтажное всего, но высокое, очень красивое, в нем до революции жили состоятельные господа. Кабинеты товарищей чекистов разместились по квартирам.

На лестничных клетках стояли ломберные столики, разные, очевидно найденные в занятых жилищах, возле каждого в вольных позах стояли красноармейцы с винтовками.

– Стоять! – гаркнул дежурный по третьему этажу, – Руки! – Николай послушно поднял обе. Не снимая винтовки с плеча, красноармеец сноровисто пробежался пальцами по телу посетителя. Было ощущение, что от плеч до щиколоток быстро прошмыгнули два огромных волосатых паука-прицеяда.

– К кому? – во рту рядового чекиста блеснула фикса.

– К Вихману – не опуская рук ответил Ордынцев.

– Пропуск!

– Он в кармане, – вот, в правом боковом...

– Покажь!

Николай осторожно достал правой рукой бумажку с треугольной печатью, левую пока опускать не рискнул.

– Иди и стой вон там, третья дверь. Выйдет оттуда баба, тогда заходи! – распорядился часовой и снова встал у столика.

На двери апартаментов № 22 была кнопками прикреплена рукописная табличка «тов. Вихман», без указания должности.

«Хуже нет – ждать и догонять» – вспомнилась бабушкина поговорка минут через двадцать бездумного стояния. Однако все когда-нибудь кончается, дверь открылась, и знакомый женский голос произнес: «Ордынцев, зайдите!»

В кабинете было накурено, сквозь дым просматривалось богатое убранство: картины на стенах, бронзовые статуэтки на подставках, дорогой стол, мраморный камин и стеллажи с книгами.

В кожаном кресле сидел звероподобный чернявый мужчина, маленького роста, но очень уж какой-то широкий. Гимнастерка дорогого сукна без погон плотно обтягивала его рыхловатую фигуру. На груди – яркий эмалированным знак, изображающий красную пентаграмму на белом фоне. «Орден, наверное» – рассеянно подумал Николай.

Диковатость вида нового хозяина кабинета усугублялась всклокоченной прической и маленькими усиками, точащими щеточками в разные стороны. Немного левее стола, вполоборота к входу сидела Анастасия и курила папиросу, неизвестно какую по счету.

– Мы, Ордынцев, просим у Вас прощения за долгое ожидание, – с некоторой иронией произнесла женщина, – решали вот, что же с Вами делать...

Сидящий в кресле мужчина неспешно поднял глаза от каких-то бумаг, разложенных перед ним, посмотрел несколько секунд прямо в переносицу Николая, но так ничего и не сказал. Голова его вновь опустилась к столу, почти полностью скрывшему его массивную фигуру.

– Знакомьтесь, – это товарищ Вихман, – указала на мужчину Анастасия, – а меня Вы знаете.

Ордынцев кивнул. Он не знал, как здороваться с этим колобком. Впрочем, табличка «Осторожно, тиф! Рукопожатия отменяются!», стоящая на столе, подсказала ему, что больше делать ничего не нужно.

– Ну что, Михаил? Мы все решили? – обратилась Анастасия к Вихману. Тот в ответ вздохнул, нехотя оторвался от своих бумаг, опять посмотрел нехорошим взглядом на Николая, потянулся, зевнул, и выдал из себя:

– Ще с тобой будешь делать? Давай, бери, только под твою ответственность! Я умываю руки.

– Так, Ордынцев, пошли отсюда, – как-то смешливо проговорила Анастасия, и, взяв Колю под локоть, вытолкала его из кабинета. На лестничной площадке часовой, увидев ее, вытянулся, как мог ровнее, хотя это у него получилось не очень хорошо. Спустились на второй этаж, зашли в кабинет № 18. Здесь табличка на двери гласила: «Нарыжная А.А., заместитель председателя ОдГубЧК». Обстановка примерно такая же, как у Вихмана, только комната поменьше.

– Садись, Коля! – пригласила Анастасия, указав на кожаное кресло.

– Что с моими друзьями, Настя? – эта мысль не давала покоя Николаю, и первым ничего другого он спросить не мог.

– Забудь о них! Ты теперь думай, как самому живым остаться! – холодно приказала ему хозяйка кабинета.

Ордынцев молча склонил голову.

– Ты даже не представляешь себе, чего мне стоило... Да тебя расстреляли бы еще вчера! – Анастасия вновь достала папиросу.

– Значит так: с этого момента ты делаешь то, что я скажу. И не думай, что наше с тобой давнее знакомство имеет очень уж большое значение. Тут другое. В городе разгул бандитизма, а наша рабоче-крестьянская милиция, увы, представляет собой очень жалкое зрелище: много бывших уголовников, а чекисты, работавшие в подполье, часто обязаны бандитам. Те их укрывали, прятали на своих хазах и малинах, и теперь считают себя вправе рассчитывать на поблажки... По городу вечером ходить невозможно. А газеты почитай!

Николай взял со стола «Одесский вестник».

Первое объявление:

Т.Вора укравш. в очереди жилищн. ком. 12 мая удостов. воинск. нач., сахар. карточ., ломб.кв. и др. вернуть мне за вознаграгр. по адресу: Базарная, 16, кв. 8, сохранию тайну.

И следующее:

Утерян документ на имя Савелия Андреевича Федотова и 4050 р. денег. Деньги прошу остав. у себя, а документ прошу возврат. Сп-Роман, Золотарева ул, 36.

Прочел, развел руками:

– А что же тут можно сделать? Воруют-с!

– Не только, Коленька, воруют. Собственно, жизнью своей ты обязан смерти одного из наших товарищей. Убили чекиста, беззаветного товарища. Пережил австрийскую оккупацию, интервенцию, деникинщину, директорию, гайдамаков. И вот сейчас, когда в городе наша, советская власть, погиб от рук бандитов.

Искать убийц некому, я предложила привлечь к этому делу тебя. Тяжело мне было отстоять свое мнение. Вихман был против, только Калистрат Григорьевич, председатель ЧК, подержал меня – погибший был его другом. Я не спрашиваю тебя, согласен ли ты работать. Бери сейчас же бумаги по этому делу, садись и думай. Комнату мы тебе выделим. Что надо – спрашивай. Всё.

Они вышли в коридор. Тут уже повесили доску объявлений. На ней был кнопками прикреплен листок с машинописным текстом:

Приказ № 2

§ 1 – Запрещаю всем сотрудникам являться на службу с раскрашенными лицами и подведёнными глазами.

§ 2 – Мною замечено, что сотрудники ОГЧК очень часто ходатайствуют за арестованных. Напоминаю, что такие явления недопустимы и сотрудники, ходатайствующие за каких-либо арестованных, будут мной привлекаться к ответственности.

§ 3 – Предупреждаю, что в случае появления сотрудников в нетрезвом виде, таковые будут осуждены без суда на два года принудительных работ.

§ 4 – Отмечено, что при замене караулов пропадают электрические лампочки. Предлагаю, начальникам караулов принимать и сдавать лампочки по счёту.

Председатель ОдГубЧК тов. Калениченко

Да-а-а... – только и подумал Ордынцев.

III

21 июня 1919 года. Новые знакомства

Папка была обычной, картонной, с замазанным чернилами двуглавым орлом и от руки, кривовато выведенной надписью сверху: «ОдГубЧК».

Первым был подшит листок с донесением:

«Председателю ЧК тов. Калениченко

Абнаружин мертвый труп тов. Нутелиса в падваротни дома 7 по Малой Арнаутской улицы. Теплый ищо. Застреленный с нагана или ружжа непонятно. Было десять вечера. Денёг револьверта мандату нету.

Уполномочинный Дробенко Остап.

18 июня 1919 г.»

Почерк недвусмысленно намекал на нечеловеческие усилия, с которыми писался этот документ. Прилагался также незатейливо составленный план подворотни, графически привязанный, впрочем, ко двору и улице, с нарисованным человечком с раскинутыми ручками и ножками, что говорило в пользу наличия некоторой природной смекалки у товарища Дробенко.

Из следующего документа становилось ясно, что председатель ОдГубЧК тов. Калениченко Калистрат Григорьевич постановил начать уголовное дело по факту насильственной смерти своего заместителя, Нутелиса Соломона Шмулевича.

Далее прилагались протоколы допросов жильцов дома № 7. Из них выходило, что никто ничего не видел, только двое слышали выстрел, но сейчас в Одессе это – даже не шум, а так...

На всякий случай троих жильцов арестовали. У них был подозрительный вид.

Больше в папке не было ничего.

Ордынцев отправился к Анастасии, но ее в кабинете не застал. Возвращаясь к себе в маленькую комнатку, выделенную ему для работы, он вдруг столкнулся нос к носу с Вихманом.

– Что Вы тут ходите? – довольно грубо поинтересовался тот.

– Да вот, товарищ Вихман, хотел задать парочку вопросов по порученному мне делу товарищу Нарыжной.

Слегка крутанув головой, чекист пригласил Николая следовать за ним. Поднялись на третий этаж, в его кабинет.

– Давайте, спрашивайте, я отвечу на Ваши вопросы, Нарыжная уехала по делам, будет не скоро. Садитесь на этот стул. Чаю хотите? – тон речи стал гораздо мягче.

– Да, спасибо, я бы попил... – Николай на самом деле соскучился по чаю. Вихман выглянул за дверь и дал кому-то краткое распоряжение.

– Итак, я Вас слушаю, – он сел за стол и опять посмотрел Ордынцеву в самую переносицу.

– Скажите, пожалуйста, а кем работал Нутелис? В ЧК, я имею в виду, какую должность занимал?

– Он был, – тут Вихман слегка как-то поперхнулся, будто подавил рвущееся наружу рыдание, – был заместителем председателя ОдГубЧК по контролю над исполнением приговоров.

Тут солдат в гимнастерке с пятнами пота вокруг подмышек принес поднос, на котором стояли два стакана в подстаканниках и хрустальная сахарница с блестящей крышкой. В чае плавали кружочки лимона. Пришлось отвлечься.

Чекист предложил подвинуть стул поближе к столу, и взмахнул рукой, приглашая угоститься. Николай попробовал – напиток был вкусным, явно английского купажа. Совместное чаепитие как бы сблизило беседующих, и чекист заговорил более доверительно:

– Знаете, Ордынцев, Вы в крайне трудном положении.

– Я догадываюсь, товарищ Вихман, – грустно улыбнулся Николай.

– Догадываетесь, но видно не обо всем. Положение Ваше практически безнадежно. Мне тут Нарыжная все уши прожужжала, какой Вы знающий сыщик, и про преступления раскрытые... Да только сейчас – совсем другое дело.

Манера говорить у чекиста была интересной: в речи чувствовался одесский акцент, даже скорее не просто одесский, а именно жителя Молдаванки – очень мягкие шипящие.

Николай уже научился отличать жителей разных районов города по выговору. При этом Витман тщательно подбирал слова и очень старался изъясняться правильным русским языком, избегая жаргонных выражений, к которым, возможно, привык. Так часто говорят серьезные уголовники, те, которые «в авторитете».

– Я скажу Вам честно и откровенно, что был против привлечения Вас к следствию. Дело здесь безнадежное. Вы же понимаете, человек при такой должности, – и что же? Убили! Да ему смерти столько же желали, что и не сосчитать! Смотрите: деникинские офицеры, оставшиеся в городе, бандиты и спекулянты – загибал пальцы Вихман.

– Он же подписывал не просто приговоры, а списки! Вы понимаете? И по поводу спекулянтов. Да сейчас почти все – спекулянты!

Вихман понизил голос.

– Кушать же надо. А где взять? Вот и продают, кто что может... Иногда мы расстреливаем тех, кто попадается. А другие могут отомстить, за друзей, за родственников, – я знаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.